

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 4, 2020

Москва
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

ЭКОНОМИКА

Волкова С. Л.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ТУРЦИИ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ 8-го И 9-го ПЛАНОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (2002-2013 гг.)	8
---	---

Гаджиев А. Г.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЕС ПОСЛЕ СМЕНЫ РУКОВОДСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 1 ДЕКАБРЯ 2019 г.	24
---	----

Ледовская О. А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЯПОНО-ТУРЕЦКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	47
--	----

Свистунова И. А.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТУРЕЦКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА.....	63
--	----

Симонов Д. К.

ВКЛАД ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ТУРЦИИ В РЕАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	80
--	----

Ульченко Н. Ю.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ: «НЕИСЛАМСКИЙ» АСПЕКТ	90
---	----

ПОЛИТИКА

Болдырев А. В.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ТУРЕЦКИХ ВМС В 1991-2019 гг.....	105
---	-----

Вертяев К. В.

СЕВЕРНЫЙ ИРАК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТУРГУТА ОЗАЛА (1989-1993).....	114
---	-----

<i>Иванова И. И., Горбунова Н. М.</i> ТУРЦИЯ И ЛИВАН В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И КОНФЛИКТОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.....	134
---	-----

<i>Графов Д. Б.</i> ЛОББИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ТУРЦИИ В США ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА	154
---	-----

<i>Иванова И. И.</i> ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ИРАНОМ В XXI в.	182
---	-----

<i>Корочкина В. А.</i> ИЗРАИЛЬСКИЕ ЭКСПЕРТЫ О МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ТУРЦИИ И ИЗРАИЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	207
---	-----

<i>Пойя Семеулла</i> АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ США И АФГАНИСТАНА. ПЕРСПЕКТИВА СОТРУДНИЧЕСТВА АФГАНИСТАНА С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ.....	227
--	-----

<i>Цибенко В. В.</i> КОНКУРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ТУРЦИИ: ПРИМЕР ЧЕРКЕСОВ И КРЫМСКИХ ТАТАР.....	237
--	-----

<i>Саетов И. Г.</i> ПОПУЛЯРНОСТЬ ТУРЕЦКИХ СЕРИАЛОВ У РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ	249
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лебедева Н. Б.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.П. КАШИНА «НАРЕНДРА МОДИ. ЛИДЕР СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ» М.: АО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ИКАР», 2020. – 260 с.	258
--	-----

Ульченко Н. Ю.*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ: «НЕИСЛАМСКИЙ» АСПЕКТ

Ulchenko Natalia**

THE ECONOMIC POLICY OF TURKEY'S JUSTICE
& DEVELOPMENT PARTY – QUITE 'UN-ISLAMIC' IN SOME ASPECTS

DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-090-104

Аннотация: В статье рассматривается такой аспект экономической политики периода правления в Турции Партии справедливости и развития, как повышение значимости внешних источников финансирования в качестве фактора экономического роста. Отмечается, что, несмотря на то, что активная опора на зарубежное финансирование противоречит канонам школы исламской экономики, 2000-е годы ознаменовались расширением и углублением связей Турции с глобальным финансовым рынком. В итоге экономика Турции, с одной стороны, смогла выйти на более высокие темпы роста. Но с другой – неоднократно оказывалась и, очевидно, будет оказываться впредь заложником возросшей зависимости от притока/оттока средств извне.

Ключевые слова: Турция, Партия справедливости и развития, экономическая политика, исламская экономика, внешние источники финансирования экономического роста.

Abstract: The Article reviews the economic policy of Turkey's ruling Justice & Development Party. We'll see, that, contrary to the Islamic tenets, which it is bound to espouse, the Party has been making the country ever more dependent on the external sources of finance. On the one hand, the inflow of the foreign capital has fostered the rapid economic growth. But on the other hand, Turkey already is and obviously, will continue to be hostage to increased dependence on the inflow/outflow of funds from the outside.

Key words: Turkey, Justice & Development Party (AKP), economic policy, Islamic economy, foreign sources of economic growth.

Экономическая политика правящей в Турции с 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) имеет ряд специфических черт, в том числе обусловленных ее политической идентичностью как партии происламского толка¹. С этой точки зрения обычно привлекает внимание тот акцент, который в экономической политике правительств ПСР делается на оказание поддержки мелкому и среднему бизнесу, сконцентрированному преимущественно

---

* Ульченко Наталия Юрьевна – г.э.н., доцент, зав. сектором Турции ЦИС БСВ ИВ РАН, зав кафедрой экономики и экономической географии ИСАА МГУ;
e-mail: ulchenko-n@rambler.ru. ORCID: 0000-0002-0078-1199

** Ulchenko Natalia – Dr. Sc. (Economic), Head of Centre of Turkey of IOS RAS, Head of the Department of Economics and Economic Geography, ISAA MSU; e-mail: ulchenko-n@rambler.ru.

во внутренних районах Анатолии. Значительная часть его представителей придерживается консервативной системы ценностей, во многом опирающейся на социально-экономическую догматику ислама. Поэтому данный сегмент предпринимательского класса Турции, поддерживая правление ПСР, в свою очередь, активно опирается на систему льгот и поощрений, обеспеченных сформированными ею правительствами.

Но следует отметить, что помимо принципов экономической политики, во многом согласующихся с политической идентичностью ПСР, к настоящему моменту представляется вполне возможным выделить некоторые ее важные направления, которые, скорее, опровергают классическую доктрину происламских партий и относятся к числу парадоксальных. Одна из важнейших такого рода особенностей заключается в том, что, экономическая политика в период правления ПСР приобрела беспрецедентно глобализированный характер, по крайней мере, с точки зрения масштабов взаимодействия экономики Турции с международным финансовым рынком.

Цель статьи – рассмотреть такое важное направление экономической политики ПСР, как активное использование внешних источников финансирования, во-первых, с точки зрения его соответствия догматике исламской экономики, а, значит и соотношения элементов теории и практической гибкости в деятельности нынешней турецкой элиты. Во-вторых, будут оценены масштабы привлечения средств из-за рубежа и обеспеченные им положительные эффекты, равно как и реальные и потенциальные риски.

Стоит ли настаивать на третьем пути развития?

Принцип активной опоры экономического роста на привлечение средств извне, несомненно, противоречит догматике школ исламской экономики, например «модели национальной экономики». Один из ее представителей – турецкий автор Х. Баш писал: «Ни капитализм, ни социализм не могут принести счастье человечеству... В связи с этим модель национальной экономики (третьего пути – Н.У) – путь к благополучию не только нашей страны, но и всего человечества»². Отвечая на один из главных вопросов – вопрос о правомерности использования для развития средств извне, Х. Баш писал: «Страны, стремящиеся добиться экономического подъема, безусловно, нуждаются в капитале. До сего дня эти страны удовлетворяли эту потребность не за счет эмиссии национальной валюты, а за счет привлечения имеющей процентную стоимость иностранной валюты. Мы слышим от [Международных кредитных организаций], что производство, финансируемое национальной валютой, создает инфляцию, но то же самое производство, финансируемое дорогой иностранной валютой, приведет к экономическому росту страны. К сожалению, мы сегодня сталкиваемся с подобной бессмысленной логикой... По этой причине в нашей экономической модели мы предоставляем свободу

национальной валюте, не имеющей стоимости (процента) и избавляемся от зависимости от глобальных экономических сил»³.

Для стимулирования производства он предлагал «использовать деньги (эмиссию национальной валюты – Н.У.) в качестве движущей силы, задействовать труд...»⁴. Что касается возникающей при этом опасности инфляции, то она, по мнению Х. Баша, будет нейтрализована в краткосрочном периоде более полной загрузкой имеющихся мощностей, а в среднесрочном – по мере инвестирования дополнительных денег в производство, то есть по мере роста предложения. По существу речь идет о столь любимой турецкой элитой идее бесконечно долгого, но при этом не связанной с какими-либо негативными эффектами использования стимулирующей кредитно-денежной политики, утопичность которой неоднократно подтвердил собственный опыт страны и пережитая ей серия финансово-экономических кризисов.

Исходя из сказанного выше, вполне ожидаемым выглядит то обстоятельство, что экономическая программа происламской Партии благоденствия (ПБ)⁵, оказавшейся у власти Турции по итогам парламентских выборов 1995 г. и продемонстрировавшей первый в стране опыт правления политических сил, идеология которых ориентирована на ценностную систему ислама, предусматривала широкое создание и использование «новых источников финансирования». Идея создания новых или дополнительных источников финансирования, и, кстати, в данном случае происходящих не только от дополнительной эмиссии, получила свое практическое воплощение. Под новыми источниками, в первую очередь, подразумевались «люди, природные ресурсы и государственная недвижимость». По завершению инвентаризации государственного имущества планировалось приступить к массовой продаже принадлежавших государству участков под строительство, земельных угодий, отелей и автомашин и проч. Особую роль в процессе создания источников отводилась приватизации лесов⁶.

При этом лидер Партии благоденствия Н. Эрбакан и его ближайшие соратники настаивали на субъективном характере прочной зависимости Турции от внешних, особенно, западных источников финансирования. Министр финансов А. Шенер, представлявший в правительстве ПБ, заявил: «За государственными займами стоит соответствующее лобби, и долги лавинообразно нарастают. Мы не являемся правительством этого лобби. Поэтому нам будет легко преодолеть эту тенденцию в динамике государственных займов...»⁷. Противопоставляя сложившейся модели идею развития при опоре на собственные силы, государственный министр (вице-премьер) коалиционного правительства от Партии благоденствия А. Гюль, в интервью турецкому журналу *Ekonomist* заявил: «Каждая страна прибегает к использованию внешних источников, к займам, но мы верим, что главный принцип, который позволит разорвать порочный круг, заключается в том, что страны, подобные Турции, способны поддерживать динамизм внутри национальной экономики»⁸.

Партнеры Партии благоденствия по правительственной коалиции – Партия верного пути (ПВП) скептически относились к идее мобилизации ресурсов, считая ее утопической. Они предлагали сделать основной акцент на ускорении приватизации и неизбежном продолжении использования внешних источников финансирования. Государственный министр коалиционного правительства от ПВП А. Йылмаз настаивала: «Невозможно обеспечить рост экономики без источников. Нет источников – нет роста... С учетом темпов роста населения нам необходим рост не менее 4,5% в год. Поэтому у нас существует потребность во внешних источниках финансирования»⁹.

Тем не менее, система экономических воззрений ПБ все же оказала заметное влияние на программу коалиционного правительства¹⁰. В ней подчеркивалось, что эффективное использование ресурсов обеспечит возможность устойчивого экономического роста. В качестве тактических задач в экономике выделялись устранение всех препятствий на пути развития, расширение источников, мобилизация производства. Как утверждалось в программе, решение этих задач должно позволить достичь быстрого роста ВВП, а параллельно с ним – и государственных доходов, и таким образом, быстро снизить необходимый объем государственных займов и в дальнейшем стремиться к его приближению к нулю. Таким образом, из положений программы следовало, что значительный размер заимствований государства стал результатом управленческих промахов, а именно – недооценки имеющихся источников развития предшествующими правительствами.

Для обеспечения баланса бюджета его доходы в 1997 г. предполагалось увеличить на 140%, а расходы – только на 61% (в текущих ценах). При этом правительство делая ставку на «создание» (расширение) источников, намеревалось проявлять сдержанность в налоговой сфере. Но предполагался «грандиозный» рост неналоговых источников дохода – на 765%. Речь шла о поступлениях от приватизации и продажи государственной недвижимости¹¹.

Успех фискальной политики коалиционного правительства оказался много скромнее, чем предполагалось. По итогам первой половины 1997 г. бюджет имел громадный дефицит в объеме 700 трлн тур. лир¹². Причин неудач коалиционного правительства в проведении намеченной бюджетной политики оказалось несколько.

Во-первых, не полностью удалось взять под контроль расходы: их рост за первые шесть месяцев 1997 г. оказался заметно выше, чем планировалось. Во-вторых, и это главное, доходы выросли всего на 100%, главным образом, по причине значительного разрыва между реальным и запланированным объемом неналоговых поступлений. В результате основная часть мобилизованных доходов по-прежнему приходилось на налоги¹³. Таким образом, потерпела фиаско центральная идея Партии благоденствия – идея обеспечения экономического развития на основе имеющихся в экономике дополнительных (неналоговых) источников при сокращении объемов государственных займов, хотя ее сторонники настаивали на случайных причинах неудачи.

Итак, тестирование партией-предшественницей идеи «создания дополнительных источников», не прибегая к внешним займам, обернулась провалом. Учитывая этот негативный опыт, ПСР в качестве партии власти проявила вполне разумный и необходимый прагматизм, негласно, но решительно отказавшись от идеи развития на собственной основе. Более того, совершенно парадоксальным образом, на период правления ПСР, как будет показано ниже, приходится беспрецедентное разрастание и углубление зависимости Турции от внешнего финансирования и зарубежных инвесторов. Но обеспеченный при этом динамизм экономики, очевидно, свидетельствует о том, что сила Партии справедливости и развития в качестве партии власти – в способности, выйдя за жесткие рамки догматики исламской экономики, действовать сообразно экономической целесообразности и необходимости. Конечно, при этом под вопросом оказывается теоретическая состоятельность школы, зато более убедительным – экономический результат.

Итак, проанализируем кратко общий характер макроэкономического развития Турции в период правления ПСР и роль внешних источников финансирования в обеспечении экономического роста.

Вырвавшись из плена утопии

Начавшаяся после разразившегося в стране в 2001 г. финансово-экономического кризиса реализация Программы построения сильной экономики Турции обеспечила первые признаки оживления, но ряд важнейших макроэкономических показателей по-прежнему свидетельствовал о сложной ситуации, сохранявшейся в стране к концу 2002 г., когда Партия справедливости и развития (ПСР) пришла к власти в Турции: среднегодовой уровень инфляции составила 45 %, дефицит бюджета превышал 11 % ВВП (см.таблицу1), а госдолг достиг почти 70 % ВВП страны¹⁴.

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУРЦИИ В 2001–2018 гг.

	2001	2002	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Темпы роста ВВП (в базовых ценах 1998 г.*)	-5,7	6,1	4,7	0,7	-4,7	9,2	8,8	2,1	4,2	2,9	6,1	3,2	7,4	2,6
Дефицит бюджета / ВВП (%)	12,0	11,2	1,6	1,8	4,8	3,6	1,4	2,1	1,2	1,3	1,0	1,1	1,5	2,0

	2001	2002	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Профицит первичного бюджета** /ВВП (%)	6,8	4,3	4,2	3,5	0,1	0,7	1,9	1,4	2,0	1,6	1,3	0,8	0,3	0,0
Среднегодо- вой уровень потребительской инфляции (%)	54,4	45,0	8,8	10,4	6,3	8,6	6,5	8,9	7,5	8,9	7,7	7,8	11,1	16,3

* Для 2015 и 2016 гг. оценка произведена в базовых ценах 2009 г.

** Соотношение доходов и расходов бюджета без учета выплат по обслуживанию государственного долга. Таким образом, профицит формирует реальный, то есть не связанный с новыми займами, источник обслуживания госдолга.

Составлено и рассчитано по: İstatistik gostergeler 1923–2008. Ankara: TÜİK, 2009. S. 599, 644, 646, 693, 753; Ekonomik Rapor 2005. Ankara: TOBB, 2006. S.79; Ekonomik Rapor 2006. Ankara: TOBB, 2007. S.78; Ekonomik Rapor 2009. Ankara: TOBB, 2010. S. 78, 135; Ekonomik Rapor 2010. Ankara: TOBB, 2011. S. 89, 144; Ekonomik Rapor 2012. Ankara: TOBB, 2013. S.131, 206; Ekonomik Rapor 2014. Ankara: TOBB, 2015. S. 109, 185; Ekonomik Rapor 2016. Ankara: TOBB, 2017. S. 34, 113, 199; Ekonomik Rapor 2018. Ankara: TOBB, 2019. S.131, 219.

Уже к следующим парламентским выборам, прошедшим летом 2007 г., ПСР подошла с убедительными экономическими результатами. Заметно сократился бюджетный дефицит до 1,6% (см. таблицу 1). Отношение госдолга к ВВП снизилось с 70% до 40%¹⁵. В итоге впервые за последние 34 года экономической истории удалось снизить годовой уровень инфляции до показателей, выражавшихся однозначной цифрой: по итогам 2007 г. она составила менее 9%. Макроэкономическая стабилизация позволила поддерживать устойчивые и при этом достаточно высокие среднегодовые темпы роста: в 2003–2006 гг. – 7,3%¹⁶. С 2002 г. национальный доход страны вырос в 2,2 раза с 181 млрд долл. до 400 млрд долл.¹⁷

В годы глобального экономического кризиса макроэкономические показатели ухудшились. Так, по итогам 2009 г. темпы роста были отрицательными, правда, падение объемов производства оказалось менее существенным, чем в других странах – около 5% (см. таблицу 1). В результате Турция относительно безболезненно пережила кризисный период.

В 2010–11 гг. экономика Турции продемонстрировала уверенное послекризисное восстановление на фоне темпов роста около 9% (см. таблицу 1). В 2012 г. начался период заметного снижения темпов роста (см. таблицу 1), которые все же оставались устойчиво положительными. В 2010–18 гг. Турция достаточно успешно справлялась с задачей поддержания бюджетного дефицита и уровня инфляции в рамках, позволявших говорить о сохранении в экономике страны достаточно стабильной ситуации (см. таблицу 1).

Какие механизмы позволили правительству ПСР достичь экономических успехов?

Поддержание относительной сбалансированности между государственными доходами и расходами правительство обеспечивало посредством, во-первых, сокращения инвестиционных расходов (см. табл. 2).

Таблица 2

ДОЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТАТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДАХ*

Годы	2002	2004	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Инвестиционные расходы	11,2	13,0	9,6	9,5	9,8	8,3	8,9	9,1	9,1	10,3	9,5	10,1	9,4	10,6	10,4
Текущие расходы, в том числе персональные (расходы на заработную плату госслужащих**)	26,4 18,9	32,5 23,5	42,8 21,2	44,4 21,4	45,4 21,5	44,2 20,9	44,1 21,2	45,3 23,9	45,0 23,9	44,2 23,6	44,8 24,6	44,6 24,7	45,6 25,5	44,2 23,9	44,9 24,2
Выплаты процентного госдолгу	46,8	36,2	18,0	17,0	15,4	13,9	11,2	9,1	9,1	8,1	7,4	6,9	5,7	5,6	6,2
Прочие	15,6	18,3	29,1	29,1	29,4	33,6	35,8	36,5	36,8	37,4	38,3	38,6	39,3	39,8	38,5
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Суммарные государственные расходы включают помимо бюджета доходы и расходы еще некоторых звеньев, входящих в систему госфинансов

** Рассчитана доля в расходах бюджета

Составлено и рассчитано по: Economic Report 1997 Ankara: UCCET, 1998. P. 68, 74; Ekonomik Rapor 2003. Ankara: TOBB, 2004. S. 78, 86; Economic Report 2004, Ankara: UCCET. 2005. P. 79, 85; Ekonomik Rapor 2005. Ankara: TOBB, 2006. S. 78, 84; Ekonomik Rapor 2007. Ankara: TOBB, 2008. S. 83, 88; Ekonomik Rapor 2009. Ankara: TOBB, 2010. S. 77, 82; Ekonomik Rapor 2010. Ankara: TOBB, 2011. S. 88, 92. Ekonomik Rapor 2014. Ankara: TOBB, 2015. S. 108, 113; Ekonomik Rapor 2015. Ankara: TOBB, 2016. S. 111, 117; Ekonomik Rapor 2016. Ankara: TOBB, 2017. S. 112, 119; Ekonomik Rapor 2018. Ankara: TOBB, 2019. S. 112, 130, 137.

С 2006 по 2018 гг. они колебались в районе 10% суммарных государственных расходов, (см. таблицу 2), тогда как еще во второй половине 1990-х на них приходилось 15–20%. Во-вторых, важным позитивным сдвигом в использовании средств стало неуклонное и при этом заметное сокращение процентных выплат по госдолгу с 41% в 2003 г. до 5,6% в 2017 г., в 2018 г. произошло незначительное повышение их доли (см. таблицу 2). Этого важного сдвига в структуре государственных расходов удалось добиться в результате применения стратегии постепенной, но неотступной стабилизации системы государственных финансов. Таким образом, если в период 1990-х – начале 2000-х годов сокращение, а затем удержание на низком уровне объема государственных инвестиционных расходов было неизбежным следствием давления процентных выплат по весьма громоздкому государственному долгу, то успех стабилизации теоретически позволял правительству возвратиться к более активной инвестиционной деятельности. Поскольку этого не произошло, можно говорить о том, что снижение объема инвестиций – сознательный

выбор правительства ПСР. В-третьих, ПСР в качестве партии власти старалась не допускать заметного увеличения расходов на заработную плату, избегая использования расточительных и не слишком эффективных, методов популистской экономической политики 1990-х гг.: уровень данной категории расходов составлял чуть более 20% от суммарных государственных расходов (см. таблицу 2). Зато новым важным приоритетом в бюджетных расходах стали различные виды социальных выплат.

Инвестиции в промышленность оказались передоверены частному сектору, активность которого во многом опиралась на обеспеченную властями финансовую стабильность. При этом норма инвестиций повысилась с 20% в 2002 г. до почти 30% в более поздний период правления ПСР¹⁸.

В итоге в сегодняшней турецкой экономике в качестве инвестора доминирует частный сектор. При этом с начала 2000-х годов в Турции происходил неуклонный рост дефицита по счету текущих операций платежного баланса. В 2002 г. он имел более чем скромные значения – около 600 млн долл. К 2008 г. он достиг 42 млрд. Своего исторического максимума дефицит достиг в 2011 г., превысив 75 млрд долл., что соответствовало более 10% ВВП страны¹⁹. По итогам 2012 г. дефицит по счету текущих операций платежного баланса сократился до 49 млрд долл.²⁰, но при этом и темпы роста снизились до 2,1 % (см. таблицу 1) Некоторое оживление экономики в 2013 г. вновь сопровождалось повышением дефицита до 64 млрд долл.²¹ С 2014 г. Турция вступила в период его снижения – до 44 млрд долл. в 2014 г. и 32 млрд долл. в 2015 и 2016 гг. и 28 млрд долл. в 2018 г.²², что, как правило, сопровождалось и более низкими темпами роста. (См. табл. 1).

Таким образом, можно сделать два важных вывода. Во-первых, активность основного инвестора – турецкого частного сектора в значительной мере опиралась на внешние займы. Во-вторых, в силу значительной привязки развития к внешним источникам финансирования для турецкой экономики стала характерна как никогда ранее выраженная обратная корреляция между темпами роста и величиной дефицита по счету текущих операций платежного баланса. Сокращение объемов использования внешних источников финансирования как правило сопровождается снижением темпов роста.

Часть необходимых средств поступала в страну в форме прямых иностранных инвестиций, в привлечении которых Турции также удалось добиться в последние годы некоторых успехов. Например, в 2014–2016 гг. Турции удавалось привлечь ежегодно от 12 до 17 млрд долл. иностранных инвестиций²³.

Но основная часть необходимого внешнего финансирования поступала в Турцию через систему и, в структуре которых после кризиса 2009 г. устойчиво преобладали различные долговые бумаги, и в виде кредитных займов с международного финансового рынка. Наиболее активно привлекал средства турецкий частный сектор, превратившийся в держателя основной части внешней задолженности страны – порядка 70% ее совокупного объема. В итоге

турецкие компании-должники оказались прочно привязаны к международному финансовому рынку и изменению его конъюнктуры. Эта зависимость усугублялась тем обстоятельством, что значительная часть заемных средств приходилась на краткосрочные займы. Вполне ожидаемо на фоне прочной привязки к использованию внешних источников финансирования вырос внешний долг Турции с 130 млрд долл. в 2002 г. до 444 млрд долл. по итогам 2018 г.²⁴ (более, чем в 3 раза), а его относительные размеры в 2018 г. они составили 57% ВВП Турции²⁵.

Успешно привлекать значительный объем капитала с внешних рынков Турции удавалось за счет сравнительно высоких процентных ставок. В предкризисные годы Центральный банк Турецкой Республики (ЦБТР) использовал высокую стоимость кредита в качестве основного инструмента достижения финансовой стабилизации и контроля над инфляцией. Так в 2005 г. при уровне инфляции в 8% ставка по долгосрочным кредитам составляла в Турции 16%. Таким образом, ее реальный уровень в 4–8 раз превосходил уровень стран ЕС, где ставки по аналогичной категории кредитов колебались от 1% до 2%²⁶. Как отмечал один из турецких экономических обозревателей, «Центральный банк политикой высоких ставок намазывал масло на хлеб держателей горячих денег», а страна превратилась «в рай» для их инвестиций²⁷. Притягиваемый высокими доходами спекулятивный краткосрочный капитал охотно приходил на турецкий рынок, обеспечивая удержание на сравнительно высоком уровне курса турецкой лиры по отношению к доллару.

В послекризисные годы благоприятная для иностранных инвесторов процентная политика, к которой Турции удалось вернуться как экономике, довольно быстро вступившей в фазу оживления после кризиса 2009 г., дополнилась стагнацией крупнейших западных рынков. В условиях их вялой динамики международный капитал устремился в сохранявшую динамизм Турцию.

Внешнее финансирование позволяло повышать норму инвестиций, одновременно сохраняя высокий уровень внутреннего потребления.

Пожалуй, единственным «показным» эпизодом ослабления роли внешнего финансирования в развитии экономики страны следует считать принятое властями страны в 2010 г. решение о разрыве кредитного сотрудничества с МВФ. «После долгих раундов переговоров – писал по этому поводу видный турецкий экономист З. Ониш – правительство ПСР решило не подписывать соглашение с МВФ. Этот шаг был преподнесен общественному мнению как проявление национальной силы и самостоятельности: отныне Турция располагала достаточной экономической мощностью, чтобы не опираться на МВФ – нечто, что выглядело необычным и даже уникальным для всякого, кто хотя бы отчасти знаком с историей предыдущих турецких кризисов. Все это открыто вызвало к национальным чувствам широких сегментов турецкого электората»²⁸.

Таким образом, за время правления ПСР произошло определенное изменение сущностных механизмов поддержания экономического роста

по сравнению с периодом 1990-х гг.: разница заключалась в том, что до прихода ПСР потребление и инвестиционный процесс в национальной экономике обеспечивались за счет бюджетных вливаний в виде растущей заработной платы и щедрых процентных выплат по государственным долговым бумагам, а дефицит бюджета, обремененного расходами по обслуживанию разраставшегося госдолга, финансировался не только за счет внешних источников финансирования, но и отчасти за счет сбережений национального частного сектора. Местных инвесторов, как и иностранных, привлекала высокая доходность займов турецкого Казначейства. В 2000-е годы при относительно сбалансированном бюджете источником финансирования инвестиционной активности частного сектора оказались исключительно зарубежные займы. При этом модель двух дефицитов – бюджетного и по счету текущих операций, если условно считать сегодняшний турецкий бюджет близким к бездефицитному, сменилась моделью одного – дефицита по счету текущих операций, но значительно возросшего по объему. В итоге привязка к внешним финансовым рынкам оказалась еще более жесткой, чем в 1990-е гг., как в силу возросших масштабов финансирования, так и отсутствия альтернатив на внутреннем рынке Турции. Но и темпы экономического роста оказались не только выше, чем в предшествующий период развития, но и более устойчивыми, что стало одним из решающих факторов неизменной поддержки ПСР едва ли не половиной турецких избирателей.

Риски «финансового реализма» ПСР

Хотя описанная модель роста обеспечила турецкой экономике довольно неплохой динамизм, однако очевидны ее издержки, которые заключаются в высокой степени зависимости от внешних рисков и фактической привязке темпов роста к объемам доступного внешнего финансирования.

При этом в последний период времени возможности использования внешнего финансирования оставались довольно переменчивыми в силу различных факторов как экономического, так и политического свойства.

В мае 2013 г. растущие рынки, в том числе турецкий, пережили первую волну массированного оттока средств, вызванную информацией о том, что ФРС США может сократить покупки американских казначейских облигаций. В результате Morgan Staley включило Турцию в группу так называемых пяти «хрупких» экономик, куда помимо нее вошли Бразилия, Индия, Южная Африка и Индонезия²⁹. Для всех них общим оказалась высокая степень зависимости от притока краткосрочного иностранного капитала, а на его начавшийся отток они отреагировали быстрой и заметной девальвацией национальной валюты. Так, к сентябрю 2013 г. турецкая лира в годовом исчислении потеряла 10% стоимости. В сентябре 2013 г. журнал Economist рассчитал для развивающихся рынков значение так называемого индекса замораживания притока капитала – capital freeze index, который отражает

степень уязвимости национального рынка в случае прекращения притока внешнего финансирования. Турции было присвоено самое высокое значение индекса – ок. 18 при его максимальном значении в 20), свидетельствующее о самом высоком уровне риска среди растущих рынков³⁰.

Предрекавшееся потрясение обрушилось на экономику страны в конце января 2014 г. после того, как ФРС объявила о сокращении программы количественного смягчения. В итоге турецкая лира упала к доллару еще 10%.

После сворачивания программы количественного смягчения ФРС США, в конце 2015 г. на американском рынке началось повышение процентных ставок. Это означало, что в ближайшем будущем именно развитые рынки благодаря более высокой доходности окажутся новым глобальным лидером с точки зрения масштабов привлечения внешнего финансирования, в результате чего ожидалось наступление периода возврата капитала в «центр». Для Турции это означало серьезные, теперь уже реальные трудности в дальнейшем использовании модели роста, в значительной мере опирающейся на внешние источники финансирования.

Более поздние эпизоды девальвации национальной валюты были связаны с политическими факторами. В августе-сентябре 2018 г. Турция пережила очередное снижение стоимости турецкой лиры уже на 40% по сравнению с началом 2018 г. На фоне девальвации значительно ускорилась инфляция, ее уровень с начала года составил более 18%, что являлось самым высоким показателем с 2004 г. В сентябре Центральный банк Турецкой Республики в качестве реактивной меры повысил ключевую или, как ее называют в Турции, политическую процентную ставку на 625 базисных пунктов до 24%, тогда как на начало года она составляла 8%³¹. Экономика страны пережила период выраженной турбулентности. Темпы роста по итогам 2018 г., снизились и составили 2,6% против 7,4% в 2017 г.³²

Поводом для развития ситуации стала вся та совокупность обстоятельств, которую Р. Т. Эрдоган, а вслед за ним и другие турецкие официальные лица были склонны считать ее причинами, а именно – «манипулятивные внешние атаки», или «систематические атаки крупных экономических игроков, в частности США». Речь шла о решении США на фоне политического скандала с Турцией по поводу задержания пастора Эндрю Брансона резко увеличить таможенные пошлины на турецкую сталь и угрозе расширить экономические санкции в отношении Турции. В итоге резко снизилась привлекательность Турции для международных инвесторов, что и привело к удорожанию доллара на внутреннем рынке.

Шоковое повышение ключевой ставки Центральным банком обеспечило Турции место в числе стран-лидеров по уровню дохода на инвестированный капитал, восстановив интерес зарубежных инвесторов к турецкому рынку и обеспечив возобновление притока средств извне. Но проблема высокой зависимости Турции от использования внешних источников финансирования,

которая и оказалась истинной причиной очередного периода финансовой и экономической турбулентности, осталась нерешенной.

В руководстве страны присутствует понимание остроты данной проблемы – опубликованная в дни экономических потрясений программа среднесрочного развития Турции на 2019–2021 гг. ставила задачу снижения дефицита по счету текущих операций платежного баланса с нынешних 6% до 2,6% к 2021 г. за счет снижения зависимости страны от импорта. Но ее решение требует существенного прорыва в индустриальном развитии, обновления и усложнения производства. Пока же доля высокотехнологичных, то есть сравнительно дорогостоящих товаров как в промышленном производстве, так и экспорте страны составляет всего 4%³³, что объясняет как сравнительную «дешевизну» турецкого экспорта, так и высокий уровень зависимости от заметно большего по стоимости импорта и возможностей его финансирования.

В последующие после исчерпания конфликта с США пять месяцев курса лиры несколько укрепился, но остался существенно ниже уровня предыдущего года. Все это весьма негативно сказалось на финансовом положении национальных компаний, увеличив их долговую нагрузку.

2019 г. принес новые испытания турецкой валюте. Во-первых, власти вновь столкнулись с очередным эпизодом падения стоимости национальной валюты непосредственно перед муниципальными выборами, прошедшими в конце марта, что свидетельствовало о беспокойстве зарубежных инвесторов в связи с неполной ясностью политических перспектив. И действительно, по итогам выборов правящая партия лишилась влияния в двух крупнейших городах – Анкаре и Стамбуле. Традиционно протестное голосование продемонстрировал третий крупнейший город – Измир. Весьма неуверенно победа ПСР оказалась еще в одном крупнейшем городе и промышленном центре – Бурсе. Во-вторых, началось развитие нового эпизода конфликта с США. Его причиной стало начало реализации решения о закупке в Российской Федерации зенитно-ракетных комплексов S400. В этой связи США приняли решение не продавать Турции истребители F-35 и исключить её из программы по их совместному производству. В настоящий момент американской стороной обсуждается вопрос о возможном введении в отношении Турции дополнительного пакета санкций в рамках закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA). Непримируемую последовательность Эрдогана в отношении вызывающего недовольство США решения о закупках вооружения в России объясняет его убежденность в причастности США к попытке военного переворота в стране в июле 2016 г., крайнее раздражение нежеланием Штатов согласиться на экстрадицию в Турцию ставшего идеологическим противником действующего президента Турции лидера религиозного движения «Хизмет» Ф. Гюлена, равно как и отказ американской стороны предоставить Турции американские противовоздушные системы «Пэтриот» (Patriot). В пользу Эрдогана играет

то обстоятельство, что последние опрос общественного мнения, проведенный в июле 2019 г. на пике дискуссий о приобретении систем S400 выявил враждебное отношение к Штатам со стороны 89% турецких граждан³⁴.

Но экономика неумолима к патриотическим настроениям: по итогам первого квартала 2019 г. темпы роста турецкой экономики оказались отрицательными впервые с 2009 г. – падение производства составило 2,6%. Курс доллара, с трудом достигший к началу 2019 г. 5,4 лир к концу июля вновь составлял 5,7. В январе-июне 2019 гг. по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. разительно сократился дефицит по счету текущих операций платежного баланса – с 31 млрд долл. до 3,3 млрд. Основным фактором снижения стало падение импорта: только в июне 2019 г. импорт по сравнению с аналогичным месяцем 2018 г. упал на 22,7%, что позволило сократить и внешнеторговый дефицит на 42,5%³⁵.

Таким образом, турецкая экономика пока демонстрирует традиционную «оборону» в отношении неблагоприятных внешних факторов – растет курс доллара, сокращая возможности импорта, а значит и роста импортозависимой экономики.

Столь жесткая система связи национальной экономики и внешнего финансирования существенно сокращает пространство для политического маневра правящей партии и президента Турецкой Республики, вынуждая демонстрировать осмотрительность и существенно повышая риски экономического коллапса.

Итак, в период правления ПСР значительная опора на внешние источники финансирования как никогда ранее сыграла роль катализатора экономического развития. С другой – существенно повысились уже неоднократно проявлявшиеся риски нестабильности роста, которые в сегодняшних реалиях связаны не только с глобальными экономическими потрясениями, но и локальными политическими конфликтами с участием Турции.

Таким образом, задача избавления от «зависимости от глобальных экономических сил», будучи обоснованной теоретиками исламской экономики, остается нерешенной на практике.

Литература

1. Партия справедливости и развития – созданная в 2001 г. партия умеренного ислама, которая объединила так называемых обновленцев, ранее входивших в состав происламских партий-предшественниц с более жесткой системой религиозных воззрений. Разделяя систему исламских ценностей, Партия весьма далека от радикализма и претендует на статус политической силы правоцентристского консервативного толка.
2. Баш Х. Модель национальной экономики. Новая экономическая система. Казань, 2011. С. 30.
3. Там же. С. 55.
4. Там же. С. 90.
5. С некоторыми оговорками Партию благоденствия следует считать политической предшественницей ныне правящей в Турции Партии справедливости и развития.
6. Ekonomist. 1996. 07.07. P. 17.
7. Ekonomist. 1996. 07.07. P. 17.
8. Ibid. P. 18.
9. Ibid. P. 19.
10. Подробнее о программе коалиционного правительства ПБ-ПВП см.: Ульченко Н.Ю., Мамедова Н.М. Особенности экономического развития современных мусульманских государств. М.: Городец, 2006. С. 53-56.
11. The Turkish Economy 1997. İstanbul, MÜSİAD, 1997. S.22-23.
12. Ibid. S. 62.
13. Ibid. S. 67.
14. Подсчитано по: Ekonomik Rapor 2008. Ankara: TOBB, 2009. S. 170.
15. Ekonomik Rapor 2009, Ankara: TOBB, 2010. S. 87.
16. Подсчитано по данным таблицы 1.
17. Guven ve İstikrar içinde durmak yok yola devam. 2007 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi. Ankara: Adalet ve Kalkınma Partisi, Haziran 2007. 251 s. URL: <http://www.akparti.org.tr/site/dosyalar#!/5.-olagan-buyuk-kongre-gundemi>. S. 31.
18. См. сайт Турецкого статистического общества: URL: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1108.
19. Ekonomik Rapor 2008. S. 170; Ekonomik Rapor 2010. Ankara: TOBB, 2011. S. 14; Ekonomik Rapor 2012. Ankara: TOBB, 2013. S. 207.
20. Ekonomik Rapor 2012. S. 207.

21. Ekonomik Rapor 2014. Ankara: TOBB, 2015. S. 185.
22. Ekonomik Rapor 2016. Ankara: TOBB, 2017. S. 200; Ekonomik Rapor 2018. Ankara: TOBB, 2019. S. 220.
23. Ekonomik Rapor 2016. S. 200.
24. Подсчитано по: Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006. S. 109; Ekonomik Rapor 2016. S. 158.
25. Подсчитано по: Ekonomik Rapor 2018. S. 219-220.
26. Dilekli S., Eraslan T. AB üyesi ülkelerde ve aday ülkelerde ekonomik gelişmeler. Ankara, Devlet Planlama Teşkilatı Müsteşarlığı, 2007. S. 37. URL: <http://kisi.deu.edu.tr/utku.utkulu/2007ekonomikgelisme%20EU%20DPT.pdf>.
27. Milliyet. 24.06.2013.
28. Oniş Z. The Triumph of Conservative Globalism: The Political Economy of the AKP Era. Ankara, Koç University, 2012. P. 12. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2003026.
29. Morgan Stanley Presents: 'The Fragile Five' — The Most Troubled Currencies In Emerging Markets/Business Insider, 24.09.2013. URL: <http://www.businessinsider.com/morgan-stanley-fragile-5-emerging-markets-2013-9?op=1#ixzz2ijwWTpuO>.
30. The capital-freeze index, again. This spreadsheet is different. An error, an apology and a revision / The Economist, 21.09.2013. URL: <http://lb-stage.economist.com/news/finance-and-economics/21586569-error-apology-and-revision-spreadsheet-different>.
31. Erdogan's New 'Existential' Test: Municipal Elections on March 31. CSIS. Commentary. March 29, 2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/erdogans-new-existential-test-municipal-elections-march-31>.
32. Ekonomik Görünüm. Temmuz 2019. Ankara, T.C. Ticaret Bakanlığı, 2019. S. 4.
33. 2017 Yılı Programı. 17/10/2015 Tarihli ve 29862 Sayılı Resmi Gazete'de Yayımlanan 3/10/2016 Tarihli ve 2016/9368 Sayılı 2017 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki. Ankara, Bakanlar Kurulu, 2016. S. 196. URL: <http://www.kazanci.com/kho2/mbb/files/bkk2016-29873.htm>.
34. US-Turkey Relations: Summer Doldurms, Autumn Storms? CSIS. Commentary. August 29, 2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/us-turkey-relations-summer-doldurms-autumn-storms>.
35. Ekonomik Görünüm. Temmuz 2019. S. 8, 18.